

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

~~Крутая~~
~~Дамочка,~~
или Нежнее,
чем
польская панна

A ♦ S ♦ T

Крутая дамочка

Екатерина Вильмонт

**Крутая дамочка, или
Нежнее, чем польская панна**

«АСТ»

2007

Вильмонт Е. Н.

Крутая дамочка, или Нежнее, чем польская панна /
Е. Н. Вильмонт — «АСТ», 2007 — (Крутая дамочка)

ISBN 978-5-17-047384-7

Ее проза – изящная, задорная и оптимистичная. Ее по праву ставят в пятерку самых известных авторов, пишущих о взаимоотношениях мужчины и женщины. И если у вас дурное настроение, или депрессия и жизнь совсем не в радость, то вам помогут романы Екатерины Вильмонт!

ISBN 978-5-17-047384-7

© Вильмонт Е. Н., 2007

© АСТ, 2007

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Екатерина Вильмонт

Крутая дамочка, или Нежнее, чем польская панна

*Нежнее, чем польская панна,
И, значит, нежнее всего.*
Константин Бальмонт

Часть первая Семья

Таська ворвалась в кухню с криком:

– Мам!

Но никто не отозвался. А она вдруг увидела на столе то, что грезилось ей во сне и в глупых мечтах – длинные книжицы авиабилетов. Она даже головой помотала, может мерещится? Но билеты были вполне материальны – протяни руку и пощупай. Откуда они взялись, эти два билета?

– Мам, ты дома?

Странно, куда она подевалась? Стало как-то тревожно. Таська выглянула в окно. Так и есть, мать сидит на лавочке под старой грушей, она всегда там сидит, когда волнуется, и в руках у нее какая-то бумажка. Письмо, что ли?

Она выбежала на заднее крыльцо.

– Мам, я зову, зову! Это письмо? От кого? И что это за билеты на столе?

Тут она сама себе удивилась – я ведь даже не взяла их в руки, не знаю, куда они...

– Тасечка, ты голодная, наверное?

Мать поднялась ей навстречу, глаза у нее были испуганные.

– Мам, чего стряслось-то?

– Не чего, а что, – машинально поправила мать.

– Ладно, пусть. От кого письмо, мам?

– Мы с тобой летим в Москву, через пять дней.

– Зачем это? – боясь поверить услышанному, перешла на шепот Таська.

– Не знаю еще. Вот прислали билеты и записку...

– Кто прислал?

– Сестра твоего отца, Марго, – тихо ответила мать.

– Мам, ты что? Откуда она взялась, ты же всегда говорила, у нас нет никаких родственников!

– Я так считала, я не хотела... И папа не хотел... А на самом деле у него есть сестра, брат, и еще какие-то тетки. Вот, прочти сама...

Таська выхватила из рук матери листок.

«Дорогая Аля, не удивляйся этому письму, папа умер полгода назад, и оставил кое-что тебе и Тасе в наследство. Сережа сам не желал никаких связей с семьей, и я уважала его выбор. Однако Сережи давно нет на свете, а у тебя растет дочь, если я не ошибаюсь, она почти ровесница моей Тошки. Скоро каникулы и я считаю, что пора тебе выйти, наконец, из своего провинциального затворничества, ты еще молодая женщина, а твоя дочь вырастет. Приезжайте, поживете у нас на даче, девочки познакомятся, Тася оглядится, может, захочет после школы

поступить в московский институт, да и тебе можно будет найти работу. Короче, я не мастерица писать письма, посылаю билеты и жду звонка. Очень хочу познакомиться с твоей дочкой».

– Мам, мы наследство получили! Ура!

– Ох, не знаю, не нравится мне все это... Жили мы спокойно и без наследства...

– Ага, с хлеба на квас...

– Ничего, зато сами...

– А мы и там будем сами, мам, я так хочу в Москву! Ой, только не заводи мне про «Трех сестер», скучища дурацкая...

– Не смей так говорить про Чехова!

– Так мы едем?

– Съездить, наверное, надо, ты посмотришь Москву, это полезно...

– Мам, а почему ты никогда не говорила про... них?

– Папа еще до твоего рождения с ними порвал.

– Из-за тебя?

– Да нет, там были какие-то идейные разногласия. Я уж толком и не помню. Но Марго хорошая женщина... Когда папа умер, она приезжала на похороны...

– А муж у нее есть?

– Сейчас не знаю, а тогда не было.

– Выходит, вы с ней матери-одиночки?

– Выходит, что так...

– И мы на той неделе летим в Москву?

– Летим! – в голосе матери вдруг появились ликующие нотки.

И вот тут Таська по-настоящему обрадовалась. Все получилось как в кино: наследство, таинственные родственники, семейные тайны... Одним словом, мечта и упоение!

– Эличка, мне никто не звонил?

– Маргоша, у тебя же два мобильных.

– Ну и что? Многие не любят звонить на мобильный... Впрочем, неважно! Нуцико дома?

– Нет, в театр отправилась. Ты ж ее знаешь.

– Знаю, придет и будет ругаться. То не так и это. А что на ужин? Я голодная, как зверь.

– Опять с утра ничего не ела?

– Поверишь, минутки свободной не было.

– Не поверю! Почему нельзя в офисе иметь микроволновку? Я бы давала тебе с собой баночку супа, а выбрать пять минуток всегда можно!

– Пять минуток выбрать можно, а вот чтобы в офисе пахло жратвой – недопустимо!

– Опять эта сказка про белого бычка, – махнула рукой Эличка. – Ты себя не бережешь!

– Я не умею себя беречь.

– У тебя дочь! Ты вот спросила, не звонил ли твой муженек, а про дочь и не вспомнила.

– Про дочь я все знаю, я сегодня четыре раза говорила с ней, она пошла на день рождения к Наде Ковальской.

– Извини, детка, я просто беспокоюсь...

– Чего ты беспокоишься? Ох, как вкусно!

– Все-таки приедет женщина с ребенком, совершенно чужая, провинциальная, кто знает, как все будет...

– Все будет нормально, Аля чудный человек, интеллигентный, тактичный...

– А ребенок?

– А что ребенок? У такой матери и ребенок должен быть воспитанным...

– А если девочка пошла в Сергея?

– Эличка, милая, мы же завтра перебираемся на дачу, к тому же Аля с девочкой будут жить отдельно, ты зря волнуешься... В какой театр пошла Нуцико?

– Моссовета, а что?

– Хочу съездить за ней, чего ей на метро таскаться?

– У тебя еще есть силы?

– Пока есть. Ты не знаешь, когда спектакль кончается?

– Кажется, в десять.

– Отлично. А ты не хочешь со мной проехаться?

Ей плохо, решила Эличка, не хочется оставаться одной даже в машине, езды до театра Моссовета в этот час от силы минут десять.

– С удовольствием.

– И давай поедем чуть пораньше, посидим немножко в саду Аквариум, погода такая чудная...

– О, с восторгом, детка!

– Спасибо, Эличка, все было так вкусно.

Марго быстро составила посуду в посудомойку, вытерла стол, несмотря на слабые протесты Элички.

– Ну что, едем?

– Не рано ли?

– Да нет, пока припаркуюсь, пока дойдем, посидим...

Она хочет мне что-то рассказать, подумала Эличка, ее что-то мучает...

Какие же они все-таки все тупые! У девчонок в башках один гламур! И диеты! Вот дуры и у всех, как говорит дядя Лева, «совершенно пустые файлы»! А я среди них чувствую себя белой вороной, и это противно. Притворяюсь как могу debilкой, чтобы не выделяться на общем фоне, а то затравят... Слава богу, завтра на дачу! Там не будет фона! Мама сказала, что приедут какие-то родственники из провинции и моя ровесница с красивым именем Таисия... Поглядим, что за фрукт... Опять же мама уверяет, что ее мать Александра Игоревна необыкновенно интеллигентная тетка, может и дочка у нее с мозгами? Хорошо бы... А парни наши это вообще отпад, усоски какие-то... Ненавижу нашу идиотскую школу, лучше бы меня в обычную городскую отдали...

Дома никого нет и слава богу! Могу на что угодно поспорить, что Нуцико пошла в театр, а мама с Эличкой поехали за ней. Неужели маме больше некуда вечером пойти? Похоже, ее так называемый муж не выдержал испытания раздельной жизнью... а она мучается.

Зазвонил телефон, Тоша нехотя взяла трубку, звонят наверняка не ей.

– Аллю, Тошенька? А мама дома?

– Здравсьте, ее нет. Она вас что, не ставит в известность, куда ходит по вечерам?

Мужчина на том конце провода горько усмехнулся.

– Твоя мать слишком эмансипирована. А где она, не знаешь?

– Могу только предполагать.

– И что ты предполагаешь?

– Что они с Эличкой поехали забирать из театра Нуцико.

– А в какой театр сегодня отправилась уважаемая Нуцико?

– Понятия не имею. А почему вы не позвоните маме на мобильный?

– Она не отвечает.

– Дам бесплатный совет: позвоните ей на второй мобильник.

– Я даже не подозревал о его существовании. Дашь номер?

– С меня голову снимут! К тому же она скорее всего не ответит, когда увидит ваш номер.

– Это уже мои проблемы, ты только номер дай.

- Вы поссорились?
- Поссорились, – вздохнул мужчина.
- И кто виноват?
- Мама думает, что я.
- А вы так не думаете?
- Черт его знает...
- Понятно. Ладно, записывайте номер. Но меня не выдавайте.
- Даже под пытками инквизиции или гестапо.
- Только со своего телефона не звоните. А еще лучше переждите денька два-три. Она забеспокоится, что вы пропали и сама позвонит.
- Откуда в твоём возрасте такая житейская мудрость? – радостно засмеялся Даниил Аркадьевич.
- Не согласились бы на дурацкий гостевой брак, пожили бы в нашей семье, стали бы мудрым, как Ярослав и Натан вместе взятые.
- Какой еще Натан?
- Лессинга не нюхали, Даниил Аркадьевич? Есть у него такой персонаж – Натан Мудрый.
- Батюшки, такая эрудиция в пятнадцать лет и в наше время просто пугает. Кто сейчас читает Лессинга?
- А что, вы предпочитаете Оксану Робски?
- А это еще кто? – расхохотался он. – Слушай, как мама себя чувствует, как выглядит?
- О, похоже вас отлучили от дома и закрыли доступ к телу?
- Слушай, Тошка, тебе не кажется, что ты переходишь границы? Но это прискорбное событие произошло уже десять дней назад. Впрочем, ты все-таки скажи маме, что я звонил.
- А как же мудрый совет?
- Я его принял к сведению. Если мама мне сегодня не позвонит, я затаюсь.
- Жалко, что вы с нами не живете, я люблю с вами болтать. А то в школе мозги ржавеют.
- Ну ты крутая! Ладно, спокойной ночи, ребенок.

Пять дней пролетели как одно мгновение – оказалось, чтобы уехать на какое-то время, надо столько всего сделать. Но Тася с мамой все успели. Сложнее всего было маме договориться об отпуске в такое время.

- Мам, да пошли ты их всех, возьми расчет!
- С ума сошла? Где я потом найду здесь такую работу?
- Мама, не надо здесь, мы же едем в Москву! И твоя Марго пишет, что найдет работу там...
- Ерунда все это, а где мы жить будем?
- Мамочка, миленькая, я не хочу здесь жить, что меня тут ждет?
- А что тебя ждет там? Знаешь, какая в Москве конкуренция буквально во всем? Нет, и не проси.
- Мама, но мы же получили наследство...
- Послушай, скорее всего никакого наследства и нету, это просто Маргоша решила нам что-то отстегнуть, по доброте душевной. С какой стати твой дед стал бы вдруг оставлять нам что-то, когда при жизни и знать нас не хотел?
- Может, он думал о душе?
- Да нет, ерунда, если бы нам что-то и вправду было завещано, нас известили бы официально, а так... Это доброхотное даяние Маргоши...
- И ты, конечно, от него откажешься?

– Не знаю, смотря в какой форме это будет... Обижать Марго я не хочу, но и чувствовать себя бедной родственницей-приживалкой тоже не желаю! Но недельку мы там все же проживем, посмотришь Москву, сходим в театр, хорошо бы в Большой...

– Выходит, они нам подачку дают? – прищурилась Таська.

– Я только предполагаю. Вполне возможно, что завещание было устным, не оформленным официально... а я просто мнительная дура.

– Устным? Так кто же в здравом уме будет отныкивать сам у себя какой-то куш? Они больные, что ли?

– Дорогая моя, ты слишком много смотришь телевизор, а там зачастую жизнь кажется куда ужаснее, чем на самом деле. Поверь, хорошие и порядочные люди еще не перевелись. И добрые тоже.

– Тебя не поймешь. То ты уверяешь, что нам хотят бросить кость, то все кругом добрые и порядочные...

– Я просто не хочу, чтобы ты ехала туда с какими-то чрезмерными ожиданиями.

– А как ты думаешь, мам...

– Тася, отвяжись, у меня и так голова кругом идет... – тихо проговорила мать.

– Мам, а тебе не страшно на самолете лететь?

– Ни чуточки. Я раньше любила летать... Села в самолет и через два часа уже в другом городе, в другом мире...

– А там укачивает?

– Меня – нет.

– А если меня укачает?

– Я с собой пакетик возьму, – усмехнулась мать, – а впрочем, у тебя хороший вестибулярный аппарат, мне ваш физрук говорил...

– Мам, а нас будут встречать?

– Да, Марго обещала встретить, когда я ей звонила.

– А в чем я полечу?

– В джинсах и синей футболке, сверху ветровку накинешь.

– А ты?

– И я так же. Можно подумать у нас большой выбор!

– Ой, мам, а если в наследство деньги, ты мне модных тряпок купишь?

– А как же! И себе, кстати, тоже!

Тася вытаращила глаза, что это с мамой?

– Послушай, что за мероприятие затеяла твоя сестрица?

– Ты о чем? – не отрывая глаз от газеты, спросил Лев Александрович.

– О воскресном приеме.

– Что за прием? Я не в курсе.

– Ну конечно, ты со своими девками вообще уже ничего не помнишь!

Лев Александрович предпочел пропустить мимо ушей замечание насчет девок, он слишком хорошо, почти дословно, знал, что впоследствии, если он возмущенно спросит, о каких девках речь, впрочем, и молчание могло быть истолковано не в его пользу, а потому он отложил газету и, преданно глядя в глаза жены, спросил:

– Деточка, напомни, о чем речь, я и вправду стал совсем беспамятный.

Римма Павловна, несколько сбита с толку, объяснила:

– Звонила Марго, еще вчера, и сообщила, что в воскресенье на даче состоится семейный сбор, добавив, что присутствие обязательно. После смерти Александра Афанасьевича она почему-то взяла на себя роль главы семьи, хотя, видит Бог, это твоя роль по праву.

– Боже избави, мне эта роль совсем не подходит, а Маргоша справится с ней как нельзя лучше. А по какому поводу сбор, она не сказала?

– То-то и оно, что не сказала, только вскользь упомянула, что приезжает вдова Сергея.

– Вот как? Интересно было бы на нее взглянуть.

– Ну разумеется, что может быть интереснее новой юбки, но вряд ли она тебя заинтересует, ей уже лет сорок, нищая провинциальная бабенка, выглядит небось на все пятьдесят. Да, кстати, Марго доиграется с этим браком на расстоянии. Я позавчера встретила ее Данечку с какой-то бабой в ресторане. Правда, баба была на редкость неинтересная, но кто знает...

– Ты что, теперь блюдешь не только меня, но и Даню? – усмехнулся Лев Александрович.

– Никого я не блюду, просто случайно встретила, но такого видного интересного мужика у нее уведут, как нечего делать.

– А ей ты об этом, надеюсь, не сообщила?

– Разумеется, сообщила!

– Римма! А она что?

– Ничего, только плечами пожала. Доиграется твоя сестрица, ох доиграется! Останется одна, а ей уж за сорок, и что за идея жить врозь...

– Никакого контроля, да?

– Конечно! Вот если тебя не контролировать, ты бы уж давно глупостей натворил, ты и так-то вечно делаешь глупости, но хоть не глобальные...

Ему давно уж хотелось завить от тоски, но он привычно сдержался. Не буди лихо, пока оно тихо.

– Значит ты не догадываешься, по какому поводу сбор?

– Нет, деточка. Но, возможно, по случаю приезда этой дамы, Сережиной жены...

– Тоже мне повод! И тоже мне дама!

День был солнечным и жарким, но на затененной кустами сирени веранде был рай.

– Маргоша, скажи Тошке, чтобы не торчала все время на солнце.

– Не волнуйся, Эличка, она при мне намазалась кремом для загара. Хочет быть красивой.

– Она поедет с тобой в аэропорт?

– Она молчит, а я не хочу ее принуждать. Я вообще не уверена, что они сумеют поладить с этой девочкой, Тошка такая привереда, такая максималистка...

– Как бы я хотела, чтобы они подружились, это же ненормально, что у девочки в ее возрасте нет настоящей подруги... А еще меня немного пугает Римма, как онаотреагирует...

– Ну, ее реакция пусть волнует Леву.

– А в нем ты уверена?

– В первый момент онотреагирует нормально, а там Римма его накрутит, и тут уж я ни за что не ручаюсь. Однако, Римма может бесноваться, сколько угодно, ничего изменить уже нельзя.

– А Даниил Аркадьевич будет?

– Зачем?

– Но он же твой законный муж, то есть полноправный член семьи. И противоестественно, что Лева будет с женой, а ты без мужа.

– Ты так считаешь?

– И я, и Нуцико, мы обе так считаем.

– Хорошо, я его позову.

Слава богу, подумала Эличка. Может, помирятся.

Самолет прилетал в субботу, во второй половине дня. Марго специально купила билеты на выходной день, чтобы не маяться в пробках. Интересно, я узнаю Алю? Впрочем, она меня наверняка узнает... Мы с Сережкой были так похожи...

Она узнала Алю мгновенно, хотя не видела ее больше десяти лет. Среднего роста, худенькая, русоволосая женщина со старым фибровым чемоданом, каких Марго не видела уже бог знает как давно, а с ней высоконькая девочка, в лице которой явно проступали грузинские черты. Даже четвертушка грузинской крови сказала, девочка обещала стать красавицей.

– Аля! Тася! Боже, как ты похожа на свою бабушку! Алечка, ты прекрасно выглядишь!

– Марго, сколько лет, сколько зим! И так неожиданно... Я смущена, сказать по правде.

– Ладно, это все потом, сейчас идемте к машине, а то проблемы с парковкой... – от смущения пробормотала Марго, и решительно забрав у Али чемодан, пошла вперед. Но чемодан оказался поистине неподъемным.

– Ты почему тележку не взяла, что у тебя тут, камни? – Марго поставила чемодан. – Стойте здесь, не двигайтесь, я пойду за тележкой.

– Тетя Марго, я сама, я быстрее, – кинулась куда-то в сторону Тася.

– Смотри, не потеряйся! – крикнула ей вслед Марго.

– Не потеряется, – улыбнулась Аля. – Она не в меня.

– Красивая какая, – сказала Марго.

– В отца... Но она добрее... Она хорошая.

– Вот и телега! – подбежала Тася.

– Молодчина! – похвалила ее Марго.

Таське было приятно услышать похвалу этой женщины, показавшейся ей воплощением столичного стиля.

– Куда мы едем? – спросила Аля, когда Марго вырулила со стоянки.

– На дачу. Я не помню, ты бывала у нас на даче?

– Нет, не довелось.

– Господи, как изменилась Москва! – потрясенно ахала Аля, а Тася, не отрываясь, смотрела в окно. Но при этом мало что видела, ей было страшновато и в то же время радостно. Что будет, что за наследство оставил ее родной дед, о существовании которого она узнала лишь на прошлой неделе. И как примет ее новоявленная родня? И столичная девчонка Тошка, у которой, впрочем, так же как и у нее, нет отца... А тетя Марго – классная, красивая, стильная, одета дорого, машина дорогая, БМВ, маникюр – закачаешься, голос – отпадный, вообще, она суперская, хоть и немолодая. Есть еще и дядька, по имени Лев, и еще всякая родня... Интересно, ох как интересно, а главное – Москва!

А между прочим, у тетки на пальце обручальное кольцо, значит, есть муж, вряд ли она сама заработала себе на эту крутую тачку, хотя такая может... Есть в ней крутезь, есть... Я хочу быть такой, как она, и чтобы не зависеть от мужа и вообще. У нее даже если есть муж, она вряд ли от него зависит.

– Нуцико, скажи, а почему дед поссорился с дядей Сережей?

– Да я толком не знаю, спросила бы лучше у мамы.

– Мама какую-то пургу гонит.

– Мамы, они всегда пургу гонят, считают, что их чадам нельзя знать правду об этой жизни, а потом дети вырастают и расшибают себе лбы об эту самую правду жизни.

– А в чем она состоит?

– Что?

– Правда жизни.

– Вообще или в частности?

– Слушай, Нуцико, если не хочешь отвечать на мой вопрос, так и скажи.

– Я просто не могу на него ответить. Когда Марго перевезла нас с Эличкой в Москву, Сережа уже был в опале, а нам тогда было не до подробностей чужой жизни.

– Знаешь, Нуцико, это свинство.

– Ей Богу, Тошенька, я не знаю, спроси у Элички, твоя мама с ней в сто раз откровеннее, чем со мной. Будь добра, принеси мне пачку сигарет, у меня в сумке возьми.

– Курить вредно!

– Как выясняется, теперь вредно еще и есть, и дышать, не лишай меня последнего удовольствия в жизни.

– Нуца, а почему тетя Эличка так вкусно готовит, а ты не умеешь?

– Потому что я умнее.

– То есть? – засмеялась Тошка.

– Я рано поняла, что если ты умеешь готовить, то так до смерти и прстоишь у плиты. Вот к примеру, я сейчас сижу в саду, в качалке, болтаю с любимой внучатой племянницей, а Эличка в поте лица трудится на кухне.

– Ты поэтому и замуж не выходила?

– Именно поэтому! Я всю молодость провела на раскопках, мне это было в сто раз интереснее, чем пятнадцать рецептов сациви...

– Но Эличка ведь тоже работала...

– Эличка врач, и к тому же детский, и ей просто положено было заботиться о желудочно-кишечном тракте своей семьи.

– И ты не жалеешь, что не вышла замуж?

– Нет, детка, я любила одного человека, который никак не мог на мне жениться, а за других мне не хотелось...

– Нуца, расскажи мне про этого человека...

– Как-нибудь в другой раз, а то я заведусь, настроюсь, все вспомню, разволнуюсь, а тут придет Маргоша со своими гостями...

– Но ты мне правда расскажешь?

– Клянусь! Но когда будет подходящая обстановка.

– О, а вот и мама! – воскликнула Тошка и понеслась открывать ворота.

Таська представляла себе эту дачу совершенно по-другому, что-то вроде виллы или коттеджа за глухой каменной оградой, с охранником у ворот, словом что-то из сериалов. А тут... не слишком новый штaketный забор, выкрашенный зеленой краской, правда, участок огромный, но заросший лесом и в глубине его большой деревянный дом, двухэтажный, с террасами на обоих этажах.

– Господи, какой домина, – проговорила мать.

Ворота открыла высокая девчонка в шортах и красной маечке.

– А вот и Тошка, надеюсь, Тася, вы с ней подружитесь.

Тошка с любопытством заглянула в машину и широко улыбнулась.

– Добро пожаловать, гости дорогие! – дурашливым голосом произнесла она. – Мы уж заждались!

Машина въехала на участок и остановилась. Тут же Тошка открыла заднюю дверцу и плюхнулась рядом с Таськой.

– Привет, ты Тася? Здорóво и здóрово, что ты приехала! В пинг-понг играешь?

Насторожившаяся было Таська вдруг ощутила удивительную легкость.

– Играю! Привет!

– О! Супер! Плавать умеешь?

– Тут есть где плавать?

– Найдем! В компах петришь?

– Тошка, побойся бога! – напустилась на дочь Марго.

– Ой, да! – расхохоталась Тошка. – Это все потом! Вылезаем!

Девочки, хохоча, вылезли из машины.

Слава богу, кажется, они нашли общий язык, облегченно подумала Аля и тоже вылезла.

Девочки тем временем уже вытаскивали из багажника неподъемный чемодан и сумку гостей.

– Нет, это тащить пупок развяжется! Я сейчас, – крикнула Тошка и вскоре появилась с чистенькой тачкой. Погрузив багаж, девочки с хохотом покатали ее к дому.

Слава богу, подумала Марго, она боялась что при виде старого фибрового чемодана с металлическими уголками Тошка отпустит какое-нибудь ироническое замечание.

– Ну вот, Алечка, добро пожаловать.

– Как тут хорошо, тихо, Москва мне показалась слегка суматошной...

– Слегка? А сегодня еще и суббота, вот в будние дни это настоящий бедлам... А тут у нас рай...

– Черемухой пахнет... А сирень еще не цветет...

– Тебе Сережа наверное рассказывал об этом доме...

– Никогда. Он вел себя так, будто он один во всем свете...

– Тебе было трудно с ним?

– Очень.

Марго слегка приобняла ее за плечи. Аля смущенно улыбнулась и спросила, указывая на обручальное кольцо:

– Что это?

– Сдается мне, что уже ничего... А впрочем, мы поговорим позже, идем, покажу тебе вашу комнату. О, а вот и Нуцико, познакомься, это Аля.

Высокая стройная женщина, назвать которую старухой ни у кого не повернулся бы язык, некрасивая, но с удивительно добрым лицом, произнесла прокуренным голосом:

– Здравствуйте, дорогая! Ваша дочка – красавица, она очень похожа на Этери в юности.

– А где Элико? – спросила Марго.

– В кухне. Пирожки достает из духовки. Маргоша, к тебе заходила Зоя Васильевна, я сказала, что ты будешь к вечеру.

– Спасибо, Нуца.

– Идите, идите в дом, а я еще тут покурю.

– Кто это? – шепнула Аля, войдя в дом.

– Нуцико и Эличка сестры моей мамы. Когда в Тбилиси воцарился Гамсахурдия, я их вывезла в Москву. Нуца археолог, а Эличка детский врач. Ты их полюбишь, они такие...

Комната на втором этаже, отведенная Але с Таськой, была большая, уютная, с огромным окном, выходящим в сад.

Таська и Тошка уже потрошили чемоданы.

– Так я и знала! – всплеснула руками Марго. – Ты навезла банок! С ума сошла...

– Ну мне хотелось хоть чем-то... Тут грибы, я сама мариновала, тут малина с черемухой протертые, а тут настоящий башкирский мед. Девчонки, отнесите на кухню!

– Тетя Аля, а черемуху, ее разве едят?

– Вот напеку вам шанежек, попробуешь!

– Слушай, Аля, они, кажется, сдружились с первого взгляда.

– Похоже на то, у меня, честно говоря, камень с души свалился...

– У меня тоже, – улыбнулась Марго. – Я побаивалась – кто знает, две девчонки в таком возрасте...

А эта Тошка клевая, простая совсем, не выдрючивается... а бабульки просто чудо, что одна, что другая... Интересно все как...

– Мам, а можно Тася возьмет твой велик и мы покатаемся? – спросила Тошка после обеда.

– А куда это вы собрались?

– Хочу угостить Тасю мороженым в кафе.

– Тошенька, в морозилке полно мороженого, – засмеялась Эличка.

– Из морозильника неинтересно. А в кафе кайф!

– Да пусть едут, только осторожно на дороге. Возьми деньги, угости Тасю, но смотрите не обожритесь!

Девочки с веселыми воплями понеслись в сарай за велосипедами.

– Ты, может, хочешь отдохнуть? – предложила Марго.

– Нет, я совсем не устала, Маргоша, можно я спрошу?

– Конечно. Ты, наверное, хочешь узнать о наследстве?

– Ну, вообще-то я хотела спросить, сколько тебе лет, но раз ты заговорила...

– Сколько мне лет? Сорок два, а что?

– Ты выглядишь потрясающе, никогда бы не подумала!

– Спасибо. Так вот, насчет наследства... Отец был странным человеком...

«Маргоша, я должен поговорить с тобой...»

«Папа, к чему такая торжественность?»

«Маргоша, ты только не сердись, не кричи, но речь пойдет о завещании».

«Папа! – поморщилась Марго».

«Понимаю, ты можешь сказать, что я волен распорядиться всем по своему усмотрению, но я слишком пристрастный человек, а в таких делах сама знаешь, нужно некое хладнокровие, коим я почти не обладаю».

«Папа, по-твоему, я рыба?» – Марго хотелось свести разговор к шутке.

Но отец был серьезен.

«Ты человек справедливый, ну, во всяком случае куда более справедливый, чем я, к тому же ты и сама небедная и, главное, не жадная, поэтому я хочу все пункты завещания обсудить с тобой. Завтра мы вместе поедem к нотариусу, поскольку своим душеприказчиком я назначаю тебя, все авторские права, все издания и переиздания я могу доверить только тебе, а для этого ты должна поехать со мной. Этот дом я тоже оставляю тебе, а вот квартиру на Ломоносовском думаю оставить той женщине... вдове Сережи...»

Марго прежде всего испугалась. Неужто отец и в самом деле «задумался о душе»? Значит, он болен и скрывает это от всех? Но вид у него бодрый, даже можно сказать цветущий.

«Папа, это будет справедливо, там растет девочка, ровесница Тошки...»

«Вот видишь, я знал, что ты меня поддержишь».

«Папа, а Лева? Что ты оставишь Лева?»

«А что ему нужно? У него, собственно, все есть. И я терпеть не могу его Римму, отвратительная баба».

«Папа, ты хочешь склоки, семейных дразг?»

«Разумеется, нет. Треть всех моих посмертных гонораров пойдет Левке. Бабушкин ларчик с цапками – Тошке, теткам твоим я определю некую сумму просто в деньгах, ну а остальным ты распорядишься по своему усмотрению. И вот еще что... Попроси прощения за меня у той Сережиной женщины... Ты ведь знаешь, как ее найти, да?»

«Конечно».

«А как ты думаешь, она примет эту квартиру?»

«Думаю, да. Даже если она не захочет... Послушай, папа, а может быть я напишу ей, попрошу приехать и ты сам сможешь сказать ей все, что сочтешь нужным».

Отец на мгновение задумался и тут же ответил:

«Нет, Марго, не стоит. А то вдруг она мне не понравится, и я передумаю? Я ведь такой, могу и передумать. Поэтому не надо. Сделай так как я сказал, к тому же видя перед собой хоть и старого, но еще живого врага, эта женщина может просто из глупой гордости отказаться от наследства, а с мертвого взятки, как говорится, гладки...»

«Папочка, да ты просто боишься...»

«Ты права, Маргоша, я вообще не самый храбрый человек...»

«Но ведь, собственно, перед Алей ты не виноват, разве что в том, что не поехал на похороны...»

«Вот именно, и этого я себе простить не могу, что бы там между мной и Сережей не было, но он мой сын...»

«А хочешь, я организую все, и ты съездишь туда, на его могилу?»

Уже произнеся эту фразу, Марго пожалела о ней. У отца сделались такие несчастные испуганные глаза... Он просто хотел отдать долг... Это уже эгоизм старости... Говорят, чем старше человек, тем легче он переносит удары судьбы, а отцу уже почти восемьдесят... Композитор, в молодости переживший не одну идеологическую порку, а в последние двадцать лет получивший поистине мировое признание, он был достаточно одинок... и жил словно в некоем коконе, который сам же для себя создал, и ее неосторожное предложение безмерно его испугало.

«Ладно, папочка, это все в прошлом, тем более тебе надо беречь силы для поездки в Англию...»

«Ох, я же совсем забыл о домике в Финляндии, его я оставлю тоже тебе».

«Нет, его ты оставишь Леве!»

Она тоже забыла об этом маленьком доме недалеко от водопада Иматра, где отец любил жить и работать в пору своего позднего романа с одной шведской певицей.

«Ты полагаешь, ему это нужно? Он же не любит природу!»

«Ему нужно внимание отца, пусть хоть посмертное», – довольно жестко сказала Марго, обожавшая старшего брата.

«Вот видишь, как я был прав, когда привлек тебя к этому скорбному действию».

«Папа не драматизируй, составление завещания деловая необходимость и только. Я считаю себя еще вполне молодой, но завещание уже составила», – соврала она.

«Марго, побойся Бога!»

«Папа, а вдруг со мной что-то случится? Мало ли, мы живем в опасном мире, а у меня дочь, две тетки...»

Во что бы то ни стало надо действительно составить завещание, а то кто знает...

Но отец и вправду повеселел. Она умела с ним обращаться.

– И ты хочешь сказать, что Александр Афанасьевич завещал мне квартиру в Москве?

– Да, именно!

– Боже мой, но... так не бывает!

– Бывает, Аля, бывает. Но ты пока не говори об этом даже дочке. Завтра придет нотариус и будет оглашено завещание в присутствии всех заинтересованных лиц.

– Но это может не понравиться...

– Кому?

– Льву Александровичу. Его жене, твоим теткам.

– Леве на это наплевать, а мне глубоко наплевать на его жену. А тетушки... Просто смешно.

- Марго, а почему ты меня предупредила?
- Чтобы ты завтра в обморок не хлопнулась, – засмеялась Марго.
- Таська хлопнется.
- Дети присутствовать не будут. Я их завтра отправлю в Москву. Пусть Тошка покажет Тасе город, нечего им тут околачиваться. Да, Аля, скажи мне, в свете сложившихся обстоятельств, ты хотела бы жить в Москве? Работу я тебе подыщу.
- Какую?
- К примеру, возьму тебя к себе, оглядишься, привыкнешь, а там видно будет.
- Прости, Марго, я бы не хотела... Работать у родственников...
- Ну что ж, значит, придумаем что-то еще. Главное, принять решение.
- Какое решение? – немного испугалась ее напора Аля.
- Будешь ты жить в этой квартире или продашь ее, имей в виду, это очень большие деньги, в своем городишке ты сможешь на них купить шикарный дом и еще много лет жить безбедно, но я бы тебе не советовала...
- Почему?
- Москва есть Москва.
- Но ее надо завоевать, а я... – слабо улыбнулась Аля.
- Завоевывать Москву, имея двухкомнатную квартиру на Ломоносовском, куда легче, к тому же я тебе всегда помогу, да и Тася, я уверена, захочет жить в Москве, какое будущее ее ждет в вашем захолустье?
- Я все понимаю, но... Мне немного страшно и потом...
- У тебя там кто-то остался? – напрямик спросила Марго.
- Аля залилась краской.
- Да, но это ничего не меняет... Он женат и...
- Ты его любишь?
- Наверное нет... Но все же...
- Аля, меня часто укоряют за авторитарность, но решать все равно тебе. Кстати, хочешь завтра с утра поедем посмотрим квартиру?
- Ну завтра же люди приедут...
- Люди приедут днем, а мы поедем утром, заодно захватим девчонок, пусть погуляют по Москве, а вернутся на электричке, ничего страшного.
- Хорошо, как ты скажешь... Я подчиняюсь.
- На крыльце появилась Нуцико.
- Марго, детка, тебя к телефону.
- Кто?
- Понятия не имею.
- Извини, Алюша.
- Аля удивилась. Никто никогда не называл ее Алюшей, ей понравилось и вдруг показалось, что и в самом деле начинается какая-то новая жизнь, в которой ее будут звать этим ласковым нежным именем – Алюша...

Поздно вечером, когда уже все улеглись, к Марго заглянула Эличка.

- Маргоша, ты позвонила Дане?
- Нет.
- Но мы же говорили...
- Не хочу.
- Но это несправедливо, он все-таки член семьи...
- Да нет, Эличка, он просто член.
- Марго!

– Да-да, и в этом его суть, а мне этого мало, мне нужен человек...

– Ты несправедлива! Даниил Аркадьевич хороший человек, умный, образованный, добрый... Ты что, его разлюбила или что-то узнала о нем? У него есть другая женщина?

– Да, а я не люблю делиться...

– Ты на себя наговариваешь, детка, ты как никто другой умеешь делиться.

– Это смотря чем. И давай не будем больше поднимать эту тему.

– Маргоша, милая, но ты же сама хотела не жить вместе, это всегда рискованно... Да и потом все мужчины...

– Я все это знаю, но мне противно... и больно, а это мешает работать, я не хочу...

– Какая ты еще молодая, Маргоша... Только в молодости бывает такой максимализм...

– Это не максимализм, это элементарная чистоплотность, только и всего.

– Но он же любит тебя и вы хорошая пара.

– Эличка, я пока еще не освоилась с положением обманутой жены, вот и все. Может, освоюсь, смирюсь...

– Прости, что на ночь завела этот разговор... я не хотела тебя будоражить... Извини. Хочешь чаю с медом, успокаивает...

– Да нет, спасибо, Эличка. И не расстраивайся ты так, мир не рухнул, поверь...

– Спокойной ночи, детка.

Элико нежно поцеловала племянницу.

Да, мир не рухнул, так, потолок обвалился и меня задело обломками, не смертельно, но разгребать придется, подумала Марго.

– Лева, я поняла, зачем нас сегодня позвали! – сказала Римма Павловна за завтраком.

– Да?

– Да! Кажется сегодня полгода со дня смерти Александра Афанасьевича!

– Ох ты господи, совсем из головы вон! Надо бы на кладбище съездить. Хотя постой, нет, полгода было восемнадцатого, а сегодня двадцать восьмое.

– А это значит, что сегодня будет обнародовано завещание вашего гения. Вот в чем дело! Очень интересно! Ну конечно... Видимо, старик что-то оставил этой провинциальной вдовушке. Хотелось бы знать что... Если его замучила совесть, он мог и размахнуться...

– Римма, наберись терпения и, пожалуйста, что бы там ни оказалось, веди себя прилично. В конце концов мы совсем не бедные люди, у тебя есть все, что можно пожелать...

– А если твой папенька тебе вообще ничего не оставил?

– Значит, такова была его воля, я не буду в обиде.

– Так уж и не будешь? Бессеребренник, значит?

– Я не бессеребренник, но с отцом в последние годы у нас были сложные отношения...

– Да я просто уверена, что он все оставил этой твоей сестрице...

– Ты сама себе противоречишь. То он чем-то одарил эту несчастную женщину, то Марго. Наберись в конце концов терпения, сегодня все узнаешь.

– А ты эту бабу видел когда-нибудь?

– Не помню. Может, и видел, но раз не запомнил, значит, ничего интересного. Ей должно быть уже под сорок.

– Это успокаивает.

– То есть?

– Ну, уже не твой возраст. Ты молоденьких любишь.

– О боже!

– Ма, не спишь?

– Тошка, ты чего так рано вскочила? Еще восьми нет.

– А там Эличка большую стряпню затеяла... Мам, ты знаешь, эта Тася клевая, с мозгами.

– Да? Я рада.
– Мы с ней двоюродные, да?
– Конечно.
– Нуцико уверяет, что мы с ней похожи.
– Действительно, некое семейное сходство улавливается.
– А ты нас сегодня в город сплавлиешь?
– Да, Тошка, нечего вам тут сегодня делать, да и Тася никогда в Москве не была.
– А может, нам заночевать в городе, в театр сходить?
– Сходите. В какой ты хочешь, я позвоню...
– Тася в Большой просится, она оперу любит.
– Батюшки светы, такое еще бывает, чтобы ребенок оперу любил? Чудеса да и только.
– Она, между прочим, классно поет.
– Странно, Аля мне ничего не говорила.
– Скажет еще. Так что насчет Большого?
– Попробую, но я не уверена, что там сегодня опера.
– «Пиковая дама», я в Интернете посмотрела.
– Хорошо, но сейчас рано кому-то звонить.
– А ты Пундику позвони, она рано встает.
– Слушай, хорошая мысль, если у Таси голос и слух, то лучше Пундика в этом никто не разберется. Давай телефон.

Матильда Пундик была старой подругой покойного композитора, его тайной воздыхательницей и профессором консерватории по классу вокала. Но в семье никто никогда за глаза не называл ее Матильдой или Матильдой Наумовной, все звали ее только по фамилии – Пундик или Пундичка.

– Матильда, я не слишком рано?
– О, что ты, королева Марго, я уже два часа как на ногах, у меня же столько процедур – подышать в трубочку, сделать зарядку, потоптаться в холодной водичке... Хотя зачем я это рассказываю тебе, ты молода, хороша собой, умна... Зачем тебе мои старческие бредни. Я хотела спросить, ты хоть вспомнила о годовщине?
– Разумеется.
– А на кладбище не была!
– Была, но, вероятно, позже вас, видела ваш букет, вы как всегда верны себе.
– Ах боже мой, кому же еще мне быть верной? Да, королева Марго, ты ведь не поболтать мне звонишь, правда? Старая леди зачем-то понадобилась?
– Матильда, у меня к вам вопрос и просьба.
– Начни с просьбы, быть может, она невыполнима.
– Нельзя ли два любых билета на «Пиковую» на сегодня.
– Что значит любых?
– Ну, места значения не имеют, пойдет Тошка со своей кузиной.
Боже, зачем я это сказала? – испугалась Марго.
– С кузиной? С какой кузиной? Откуда взялась кузина, почему я не знаю?
– Это... Сережина дочка, они с матерью приехали к нам, девочка прелестная и обожает оперу, к тому же у нее, кажется, голос...
– А вопрос в чем? Не могу ли я ее посмотреть и послушать?
– Угадали.
– Превосходно! Должен же был хоть кто-то из всей родни унаследовать дар, пусть хоть малую толику великого дара Саши... О, я уже жажду увидеть эту девочку... пусть Тоша привезет ее ко мне, я их накормлю обедом, посмотрю девочку, а вечером отвезу в театр. Жду их к половине третьего, я пошла ставить тесто!

И эксцентричная дама бросила трубку.

– Мам, что она сказала?

Марго передала ей слова Матильды Пундик.

– Йеесс! – вскинула руку Тошка. – Обожаю пундиковы пирожки.

– Знаешь, Тоша, ты только Тасе не говори, что ее будут прослушивать, а то она испугается, зажмется, просто скажи, что идете к тетке, которая достанет вам билеты в Большой, а уж Пундик сумеет сделать все как бы невзначай...

– Ну, мам, ты даешь! Я уж хотела ее обрадовать.

– Не надо. Ладно, я встаю, поди, включи чайник.

– Да Эличка уже стол на террасе накрыла. Семейный завтрак в воскресенье...

– Господи, и не лень ей... Небось уж и наготовила каких-нибудь вкусностей, ну как, скажи на милость, тут блюсти фигуру?

– У тебя с фигурой все в порядке!

– В порядке!

– Какая разница, подумаешь, одна буква...

– Виктория, марш отсюда!

Викторией Марго называла дочку только в крайнем раздражении. Марго ненавидела молодежный жаргон и всячески боролась с ним и дома, и у себя на фирме. Правда без особого успеха.

После завтрака, когда все уехали в город, Эличка спросила сестру:

– Нуца, как тебе Аля?

– Не разобралась еще, но все же производит приятное впечатление. А тебе она не понравилась?

– Нет, что ты, мне она очень понравилась. А девочка просто прелесть, мне кажется, она будет актрисой, в ней что-то такое есть... Но я не устаю поражаться Марго... Какая широта души, какое большое сердце...

– Элико, поменьше пафоса!

– Нуца, не будь циничной!

– Где ты увидела цинизм? Это просто дурной вкус – все время произносить высокие слова, пахивает советским радио... Кстати, ты не обратила внимания, когда сейчас иногда показывают старую хронику, какие-нибудь киножурналы тех лет, как непереносимо звучат голоса дикторов?

– Ах боже мой, я это просто не смотрю.

– Ну да, ты смотришь только сериалы!

– Ну и что? Тебе это мешает? Слава богу, Марго подарила мне отдельный телевизор. Меня сериалы успокаивают...

– А меня они раздражают!

– А меня раздражает, что ты как ни включишь телевизор, смотришь только новости, по всем каналам, от этого можно спать, тем более, что новости в основном плохие или просто ужасные.

– А я досыта нажралась хорошими новостями при тете Соне.

– Вот потому ты и не вышла замуж!

– А ты вышла и что? Точно так же как я доживаешь свой век у племянницы...

– Я не доживаю, Нуца, я приношу пользу, я вырастила Тошеньку, я...

– А я, конечно, ее не растила!

– И ты растила, кто спорит и вообще, я иду ставить гуся.

– Левушку своего поджидаешь, гусика ему жаришь.

– Гуся все любят, ты, кстати, тоже. И вообще, хватит ворчать, идем, поможем мне чистить орехи.

Тошка с Тасей три часа таскались по городу. Тася пребывала в непрерывном восторге и ошалении.

– Ну круто! Я тыщу раз видела Москву и в кино, и по ящику, но не представляла... ваааще!

– Пить хочешь?

– Да!

– Тогда пошли в кафе! Кофе с пирожным нам не повредит!

– Круто! А может, на улице, дешевле же!

– Не волнуйся, мать дала денег, велела ни в чем себе не отказывать! И вообще, у меня уже ноги отваливаются.

– У меня тоже! Слушай, я не поняла, мы в театр-то идем?

– Конечно, но сперва к Пундику.

– Кто это Пундик?

– Ну, Пундик это такой человек, который нас протырит на «Пикашку».

– На какую пикашку?

– На «Пиковую даму»! Это дед, когда мы с ним ходили на какой-нибудь концерт в консерваторию, всяких старух-поклонниц звал пикашками, от «Пиковой дамы».

– Значит, мой дед знаменитый на весь мир композитор?

– Ясный блин.

– Ясный блин? Теперь так говорят?

– Я говорю, про остальных не знаю. Слушай, а ты в курсах, почему дед с твоим отцом разосрались?

– Не-а, я вообще только на прошлой неделе узнала, что у нас родственники есть. Мне всю дорогу вдалбливали, что у нас никогошеньки нет, и вдруг твоя мама билеты прислала, тут уж моей пришлось расколоться, а насчет того, из-за чего поссорились, говорит, что уже не помнит.

– Надо будет у Пундика выяснить.

– Да что за Пундик такой?

– Увидишь!

– Римма Павловна, вчера Лев Александрович обедал в ресторане «Санта-Фе».

– Один?

– Нет. Сперва дама какая-то подъехала, а потом еще Валевский и Трушкина.

– А что за дама?

– Не знаю, они расцеловались при встрече, потом Лев Александрович взял ее под руку и они прогуливались по дорожке, пока Валевский с Трушкиной не подъехали.

– Сколько лет даме?

– Не разглядел, на ней шляпа была, а так ничего себе дама, фигуристая.

– После обеда куда она девалась?

– С Трушкиной на машине уехала.

– А, поняла. Ну что же, Федор, спасибо за службу.

Ах ты сучка, подумал Федор. Так я тебе правду и скажу, жди-дожидайся.

Римма Павловна долго убеждала мужа в том, что в его возрасте, с его нервами и работой, он не должен сам садиться за руль. Нашла неплохого парня и, когда Лев Александрович привык к нему, как-то вечером сказала Федору, что будет платить ему двести долларов в месяц помимо зарплаты за сведения о муже. Федор был честный и передал разговор хозяину, который ему очень нравился.

Тот усмехнулся и сказал:

– Федя, брат, ты согласишься, бери с нее эти двести баксов, но информацию корректируй, а я тоже в долгу не останусь.

В результате зарплата Федора значительно увеличилась, чему он и его жена были очень рады.

– Ну, как тебе квартира? – спросила Марго.

– Марго, пожалуйста, ущипни меня, мне не снится все это?

Прекрасная двухкомнатная квартира с девятиметровой кухней, отремонтированная, с хорошей мебелью, в пяти минутах ходьбы от метро «Университет».

– Вот и прекрасно! Живи и радуйся, а насчет работы не волнуйся, я что-нибудь придумаю. Кстати, отец оставил тебе еще какую-то сумму, я сейчас не помню, не очень много, но на первые месяцы хватит, ну и проценты от гонораров будут.

– Марго, я просто не знаю что и сказать, у меня просто нет слов.

– Не нужны никакие слова. В конце концов Сережа был таким же его сыном, как Левка и все вполне по праву... Ладно, пора ехать. Сейчас позвоню нотариусу, уточню время и вперед, к новой жизни!

– Господи, мне даже страшно...

– Не бойся, Алюша, да, кстати, я бы хотела, чтобы Тася пожила летом на даче. Ей полезно и Тошке тоже. Она сегодня явилась ко мне с восторгками по поводу Таськи, мол она умная и клевая, и поет хорошо...

– Поет, – вздохнула Аля, – и пляшет, и на голове стоит, талантов много, а толку чуть.

– А какого толку ты ждешь от нее в пятнадцать лет?

– Откуда я знаю, мне просто страшно за нее, особенно в таком городе как Москва...

– Не бойся, в Москве-то она как раз и не пропадет. Да и вообще, когда ребенок в ее возрасте просится в оперу...

– В какую оперу? – ахнула Аля.

– Они с Тошкой сегодня пойдут на «Пиковую даму» в Большой. Инициатива принадлежала Тасе.

– Господи, я и не подозревала... Ты понимаешь, Марго, у меня просто нет времени на нее, я столько вкалываю, чтобы прокормиться и хоть как-то прикрыться...

– Ты сможешь продать свое жилье?

– Смогу, вероятно, но за копейки... Понимаешь, Марго, я не уверена, что сумею выжить в Москве, может, лучше все же продать эту квартиру и нормально жить там?

– А что Таське делать в вашем городишке? Впрочем, решать в любом случае тебе.

Из кухни раздалась вдруг незнакомая Марго мелодия.

– По-моему твой телефон... – сказала Аля.

– Нет, не мой... – отмахнулась Марго, но вдруг вспомнила, что вчера Тошка поменяла ей сигнал. Она бросилась в кухню, не сразу сумела выудить телефон из сумки и второпях уже не взглянула на дисплей.

– Алло! Я вас слушаю!

– Слава Богу, Марго, до тебя невозможно дозвониться.

Марго слегка растерялась. Звонок мужа застал ее врасплох.

– Даня, я сейчас занята...

– Нет уж, сегодня суббота и я хочу наконец увидеть свою жену. Ты на даче?

– Нет, я в Москве, у меня куча дел.

– Так может вечером приедешь ко мне, переночуешь?

– Нет, не могу.

– Хорошо, тогда давай я к тебе приеду.

– Нет, я буду ночевать на даче.

– Не проблема, я приеду на дачу. В конце концов я соскучился.

– Это твои проблемы.

– Маргоша, перестань, ты злишься уже просто из принципа. Я правда жутко соскучился.

Ну хорошо, а если я приеду на дачу утром?

– Утром? Ну что ж, утром приезжай. Да, и вот что, Тошка с подругой будет ночевать в Москве, ты утром заведи их и привези на дачу.

– Отлично. Мне дают поручение, значит, я почти прощен! Марго, я люблю тебя!

– Ну вот, Алеша, завтра познакомишься с моим так называемым мужем.

– Почему так называемым?

– О, это долго объяснять, и скучно. Все, поехали, думаю, мы сегодня развлечемся!

Аля взглянула на нее с некоторым испугом.

– Тошка, не вредничай, что за Пундик такой?

– Увидишь!

Дверь им открыла пожилая дама, что называется со следами былой красоты – пышные, не слишком аккуратно покрашенные волосы, черные развевающиеся одежды, чуть близорукий взгляд красивых карих глаз.

– О, вот и гости мои пожаловали!

– Пундик, привет! – Тошка повисла у нее на шее. – Я соскучилась! Ты почему к нам не приезжаешь?

– Я гора, а ты Магомет! А это что за прелестное создание? Создание, как тебя зовут?

– Тася.

– Таисия?

– Да.

– Какая прелесть, такое редкое имя... Ну что ж, заходите, девицы.

– Пундичка, пахнет твоими пирожками...

– Вообще-то, Тася, меня зовут Матильда Наумовна. Эта юная нахалка пользуется тем, что я знаю ее с рождения, а ты пока на это не имеешь права.

Тася покраснела.

– Ну не смущайся, не исключено, что ты заслужишь почетное право звать меня Пундикой, мойте руки, барышни, и к столу!

Девочки побежали в ванную.

– Какая странная... – прошептала Тася.

– Она клевая! Только ничему не удивляйся.

На одном конце стола, покрытого, как показалось Тасе, пыльным ковром, лежала белая скатерка, на ней старинная посуда с каретами и дамами в кринолинах, хрустальная вазочка с букетиком незабудок и три полотняные салфетки в фарфоровых кольцах. Матильда Наумовна усадила девочек и выплыла из комнаты. Вскоре она вернулась с фарфоровой супницей.

– Начнем с бульона.

Из супницы пахло так вкусно, что, несмотря на съеденное относительно недавно пирожное, у девочек потекли слюнки.

– Ешьте, берите пирожки и вообще все, пирожки можно мазать маслом, вот, в бульон можно положить оливки... Тася, ты любишь оливки? – она положила себе в тарелку несколько оливок из вазочки.

– Я не знаю, не пробовала.

– Так попробуй! Оливки это прекрасно, их ел еще Парис...

Тася сунула в рот одну зеленую ягоду.

– Ну как?

– Ничего, вкусно.

– А косточку надо глотать. Косточки оливок чрезвычайно полезны! Десяток оливок с косточками в день и...

– И приступ аппендицита вам обеспечен! – засмеялась Тошка.

– Не говори глупостей. Ну что там у вас происходит?

– Сегодня на даче завещание будут обсуждать, вот нас и сплавили.

После вкусного обеда Матильда Наумовна развлекала девочек театральными и консерваторскими байками, потом словно бы невзначай присела за рояль, взяла несколько аккордов.

– Тася, ты играешь?

– Нет.

– А поешь?

– Нет.

– Пундик, она врет! Она просто суперски поет, у нее голос...

– Тася, спой, светик, не стыдись, ты ж не на экзамене. Я просто люблю, когда дети поют. У нее при этом были такие добрые и веселые глаза, что Тася вдруг решилась.

– А что спеть?

– Что ты пела Тошке? Песенку какую-нибудь...

– Ну я не знаю... – Таська вдруг постеснялась петь этой даме какие-то современные песенки. – А можно «Утро туманное»?

– Отлично, это я даже смогу тебе саккомпанировать, – и она заиграла вступление.

Сначала голос у Таськи слегка дрожал, но старая дама смотрела на нее так ласково, что она запела увереннее.

– Молодец, хотя это не совсем твое... Ну, что-нибудь еще, может, русскую народную...

– «Матушка, матушка, что во поле пыльно» можно?

– Давай!

Тася вдруг ощутила невероятный подъем, ее просит петь такая важная, такая столичная дама, никто не требует замолчать, не ссылается на головную боль... И это такое счастье – петь, когда тебя слушают... В школе она стеснялась даже рот открыть, а тут распелась...

– Хватит! – сказала вдруг Матильда Наумовна. – Тебе сколько лет?

– Пятнадцать.

– Месячные в каком возрасте пришли?

– В двенадцать, а при чем здесь...

– Отлично! Ноты знаешь?

– Нет. Я так, со слуха...

– Черт подери, слух у тебя похож на абсолютный... И голос редкий... Хочешь быть певицей?

– Певицей?

– Да, певицей, но не певичкой, а настоящей оперной певицей?

– А что, я смогу?

– Все зависит от тебя самой. Природа тебе много дала и внешность, кстати, тоже, но с дарами природы надо обращаться очень бережно. И работать надо каторжно... Хотя чему удивляться, ты же внучка Сашеньки, это был величайший музыкант, должен же был хоть кто-то унаследовать... Но почему тебя не учили музыке?

– Маме не до того было... Да у нас в городе музыкалка какая-то ублюдочная была...

– А в школе у вас уроки пения были?

– Нет.

– Понятно... Ну что ж, барышни. Скоро придет машина, поедem в театр. Жаль, конечно, что Большой на ремонте, но ничего не попишешь. Многие ругают это новое здание, а мне даже нравится. Там удобно. А ты, Тошка, молодец, что привела Тасю ко мне. Это, конечно, еще глина, но полагаю, из нее можно будет что-то вылепить.

У Таськи голова шла кругом и вдруг показалось, что нечто похожее она где-то уже видела, то ли в кино, то ли по телеку – смешная старуха и юное дарование, и слова были такие же и даже квартира такая же захламленная... Но радость от этого не стала меньше.

На обратном пути обе женщины молчали. Марго была занята своими мыслями, а Аля пребывала в страшном смятении. Непривычная к подаркам судьбы, она боялась поверить в реальность происходящего, ей казалось, что такого просто не может быть и сегодня, когда огласят завешание, выяснится, что Марго ошиблась, что Александр Афанасьевич потом изменил завешание, передумал или Лев Александрович решит, что квартира по праву принадлежит ему и станет судиться, опротестует завешание...

– Аля, не волнуйся, все будет в порядке, квартира твоя, никто ее не отнимет, – вдруг проговорила Марго, словно прочитав ее мысли.

– Я и не думала... – пролепетала Аля.

– Эличка, ты заметила, как похорошела за эти сутки Аля? Вчера она казалась мне совсем неинтересной, а сегодня я глянула на нее за ужином – совершенно другой человек. Неужто квартира в Москве может так преобразить женщину?

– Нуцико, при чем здесь квартира? Просто она влюбилась.

– Влюбилась? Когда она успела? В кого?

– Ах боже мой, в Леву, конечно.

– Ты с ума сошла? Он же на двадцать лет ее старше.

– Ну и что? Кому и когда это мешало?

– Но в таком случае это ужасно!

– Почему?

– Ну, во-первых, бесперспективно, а во-вторых...

– А по-моему даже очень перспективно.

– То есть?

– Он тоже, как выражается Тошка, на нее запал.

– Не выдумывай!

– О! А ты разве не заметила, как у него глаза блестели, как он хвост распускал...

– Ну и что? Римма быстро прочистит ему мозги.

– Господи, я ж не говорю, что он женится на Але, но роман вполне возможен. И знаешь, Нуцико, я бы хотела...

– Чего? Этого романа?

– Представь себе. Я ужасно не люблю Римму. Это надо было умудриться четвертый раз жениться и на такой противной женщине... Вот его третья жена, Лялечка, она была прелесть, талантливая, умная...

– Ему не нужна талантливая и тем более умная. Ему нужно, чтобы им управляли. А Римма делает это мастерски. Ему ведь кажется, что он хозяин в доме, что он главный, а она только посмеивается.

– А ты видела, что с ней было, когда нотариус объявил, что квартира достанется Але?

– Я в тот момент смотрела на Алю, она так вспыхнула, так зарделась, теперь я понимаю, почему Сережа в свое время все из-за нее бросил. Все-таки Саша, упокой, Господи, его душу, был порядочным человеком, мало того, что он дал нам приют, он еще оставил нам деньги...

– Полагаю, это в большей степени заслуга Марго.

В этот момент на кухню заглянула Марго.

– Что вы тут полуночищаете? Мы с Алей и сами бы все убрали... Фу, как я устала... Да, Эличка, ты не будешь возражать, если Тася поживет у нас лето? Они так сдружились с Тошкой и это уже само по себе удивительно...

- Марго, какие могут быть возражения? Разумеется! Я только рада!
- Но вы их не балуйте, пусть помогают по дому, гоняйте их в магазины и вообще... Между прочим, Тошка повела сегодня Тасю к Пундичке.
- Ох, зачем это? – поморщилась Нуцико.
- У девочки голос! И Матильда звонила мне, сказала, что там, похоже, настоящий талант.
- А ты Але сказала?
- Нет, пусть Тася сама ей скажет. Эличка, ты всегда все замечаешь, тебе не показалось...
- Мне не показалось, я просто убеждена.
- В чем?
- В том, что Лева не остался равнодушен к Але, и она тоже...
- А я было подумала, что мне померещилось... Бедняжка...
- А где, кстати, твой муж? – без обиняков спросила Нуцико, обожавшая Даниила Аркадьевича.
- Утром приедет, привезет девочек.
- Вот и слава богу, – обрадовалась Эличка.
- Ну все, я пошла спать, что-то я перенапряглась с этим оглашением, как будто вагоны разгружала...
- Иди спать, детка, – Эличка перекрестила племянницу, а Нуцико поцеловала в лоб.
- Спокойной ночи, тети!

- Ну как тебе первый день в столице? – спросила Тошка, роясь в холодильнике. – Я жрать хочу – ужас, а ты?
- Тош, это все правда?
- Ты о чем?
- Ну что Матильда говорила?
- Думаю, правда. Она вообще-то считается первоклассным педагогом, у нее знаешь какие ученики, по всему миру поют. Дед всегда говорил: Пундичка невыносимая особа, но педагог Божьей милостью! Так что скоро, думаю, у тебя никакой жизни не будет...
- Почему?
- Тебе же сколько наверстывать надо, и в школу ходить и Пундичка будет тебя дрючить...
- Ничего не получится, где я, а где Пундичка, мы ж домой уедем...
- Тась, ну вообще-то... Ты секреты хранить умеешь? Не проболтаешься?
- Клянусь!
- Вы теперь в Москве жить будете, дед тебе и твоей маме квартиру оставил в наследство. На Ломоносовском проспекте!
- Врешь!
- Еще чего!
- А ты почему знаешь?
- Слышала, как мама Эличке говорила.
- Значит, мы теперь будем жить в Москве? Нет, мама не захочет... У нее там работа и еще мужик у нее там.
- Ну и что? Пусть мама живет там, а ты тогда будешь жить у нас. И учиться у Пундика. Ты ведь такая же внучка, как и я.
- Нет, я нахлебницей быть не хочу!
- Тошка с уважением взглянула на кузину.
- Зачем нахлебницей? Если твоя мама не захочет жить в этой квартире, то ее можно сдать за хорошие бабки, и тебе хватит и маме твоей останется.
- Тася просияла и тут же печально покачала головой.
- Скорее всего мама эту квартиру продаст...

– Ну и что? Тогда она будет посылать тебе деньги на жизнь или просто положит в банк на твое имя.

– Да не согласится она меня тут оставить...

– Ну, ты мою маму не знаешь! Она кого хочешь в чем хочешь убедит! Имей в виду, у мамы свое рекламное агентство и не из последних. Мама его с нуля создала, так что уговаривать она умеет.

– Твоя мама классная, я сразу поняла... Ой, Тошка, а вдруг твоя мама сумеет уговорить мою в Москву переехать?

– Даже не сомневайся!

Тася вдруг задумалась, машинально жуя яблоко. А Тошка между тем сооружала бутерброды с сыром и помидорами, намериваясь засунуть их в микроволновку. Она всегда очень основательно относилась к процессу приема пищи – Эличкино воспитание.

– Слушай, а может, еще колбасы положить? Как ты думаешь? И чуть-чуть майонезику?

– Знаешь, что я подумала, – уставившись невидящим взглядом в темное окно, медленно проговорила Тася, – это хорошо, правильно, что мама никогда не говорила мне про всех вас, про деда...

– Почему? – заинтересовалась Тошка.

– Потому что я наверное обижалась бы, завидовала, у меня выработались бы всякие идиотские комплексы... А так, не успела я привыкнуть, что у меня есть родственники, был всемирно известный дед, как тут же выясняется, что дед меня не забыл, оставил наследство... да и бог с ним с наследством, главное, он мне талант передал...

– Да, от скромности ты не загнешься, а вот в остальном... Ты человек, Тася! И я так рада, что у меня такая двоюродная сестра. А скромным в наше время быть бесперспективно. Так что насчет колбасы?

– Давай, жрать и вправду охота!

– А растолстеть не боишься?

– Не-а, я не толстею.

– Здорово, я тоже! Эличка говорит, что бабушка наша тоже могла съесть сколько угодно, и не толстела.

– А ты бабушку помнишь?

– Нет, я еще не родилась, когда она умерла. Хочешь, я тебе фотографии покажу?

– Нет, сейчас я наверное уже этого не выдержу. Прикинь, сколько на меня всего за сутки свалилось.

– Да уж, тут и носорог сдохнет, – засмеялась Тошка.

– Почему носорог? – удивилась Тася.

– Ну, он такой... бронепробивный и бронированный, его фиг чем проймешь.

– Это ты сама придумала, как ясный блин?

– Ага!

– Ты наверное будешь писательницей...

– Откуда ты знаешь? – насторожилась Тошка.

– Что?

– Что я хочу быть писательницей?

– Догадалась.

– Ну ты даешь! Знаешь, мне с тобой... интересно! Я в школедохну с тоски, у нас в классе мальчишки какие-то усоски, а девчонки, у них один гламур на уме... Мне с ними скучно. Вот ты – другое дело!

– Знаешь, я когда сюда летела, думала, что ты наверное такая...

– Столичная задавака, дура и стервочка?

– Точно!

- Теперь так не думаешь?
- Ты что!
- Просто мы с тобой одной крови, и это в буквальном смысле слова.
- Ну и в переносном тоже немножко, да?
- Супер!

Даниил Аркадьевич волновался. Ссора с женой как всегда нервировала его. И что за идиотская идея жить врозь? Многие мужики завидуют ему... Да, в иных случаях это приятно, так сказать, в мирное время, но вот помириться куда труднее, не подойдешь просто обнять, без всяких слов, тут нужна уже определенная дипломатия, тактика... Но ведь виновата она сама. Знает же, что мужик такое существо... Зачем его искушать свободой? А уж если даешь ему свободу, то не приезжай без предупреждения... да ведь ничего, собственно, не было, просто не успелось... Эта Эвелина такая сексапильная, но своей квартиры у нее нет, вот и привел домой, слава богу, хоть раздеть не успел, так что ничего предосудительного Марго не увидела, но вероятно почувала что-то... Ничего не сказала, только извинилась и дверью хлопнула. Но, кажется, она одумалась, раз позволила приехать, да еще поручила привезти на дачу Тошку с какой-то подружкой. Что-то я не помню у Тошки подружек, которых она приглашала бы на дачу, но, видимо, девочка взрослеет. И слава Богу, а то все трется среди взрослых. А к Марго все-таки надо подлизаться, купить цветов и чего-нибудь вкусненького, что она любит. А может, сделать ей какой-то серьезный подарок? Нет, ни в коем случае, тогда она точно поймет, что я виноват. Я таки виноват, я тогда не отпустил Эвелину, хоть и не получил практически никакого удовольствия. Но не отпускать же было девушку несолоно хлебавши... Но больше я такой глупости не сделаю. Терять Марго из-за первой попавшейся девки не стоит. Решено, ограничусь цветами и, может быть, завезу девчонок в какое-нибудь хорошее кафе, угощу мороженым или пирожными, к тому же Тошка на редкость славная и умная девчонка, скучно с ней не бывало даже когда она была маленькая, всегда что-то забавное и своеобразное скажет... Да и по старым тбилиским тетушкам я соскучился, от них в доме совсем особенная атмосфера, люблю поговорить с Нуцико, прелесть что за тетка, а Эличка как готовит... Да что это я выдумываю, я элементарно соскучился по жене, я же люблю ее, мою Марго, и я уж сумею ее уломать, останусь на ночь и где там Эвелине до Марго, она только производит впечатление деловой и холодной вумен, она горячая, нежная, тонкая и такая красивая... хоть уже и немолодая, сорок два...

Утром за завтраком Тошка спросила?

- Тась, а почему ты маме не позвонила?
- Зачем, она же знает, где я.
- Ну а сказать про Пундичку, про голос, про талант?
- Мне кажется, она расстроится...
- Расстроится? – ахнула Тошка, – не может такого быть!
- Очень даже может!
- Но почему?
- Потому что ответственность... Лишние хлопоты. Я один раз слышала, как мама говорила своей подруге: «Я так рада, что Таська у меня самая обычная девчонка, эти одаренные дети такая ответственность, кажется, знай я, что Таська талантливая, у меня бы минуты спокойной не было». Так зачем ее раньше времени огорчать? Она, между прочим, тоже не сообщила мне, что квартиру в наследство получила.

– Да, правда... А как ты считаешь, почему?

– Потому что в жизни все должно доставаться трудом, а наследство это непедagogично! Тася произнесла все это уморительно-смешным тоном.

Тошка фыркнула и спросила:

– Ты что, с ней на разных волнах существуешь?

Тася озадаченно взглянула на кузину.

– Наверное, да. А ты со своей мамой?

– Нет, мама меня понимает и никогда нотаций не читала. Меня вообще коллективно воспитывали. В основном Эличка и Нуцико. Дед тоже иногда вмешивался. Он, например, с пяти лет брал меня с собой в театры, на концерты... А когда понял, что у меня нет настоящего слуха, отменил уроки музыки, я счастлива была, зато сразу меня стали учить языкам.

– Ты какой язык знаешь?

– Французский и английский.

– А я немецкий, мать же преподавала немецкий в школе... Пока ее не взяли переводчицей к вице-губернатору. Ее мужик – водитель у вице-губернатора, он ее и устроил. У нас там немцы комбинат строят, вот немецкий и понадобился. Тош, а у тебя парень есть?

– Парень? Нет. А у тебя?

– Был один, но так... ничего интересного.

– А ты с ним... Ну...

– Один раз, но мне жутко не понравилось, такая гадость...

Тошка с восторгом взглянула на сестру.

– Мне тоже показалось, что это мерзко.

– Ты ж сказала, что у тебя нет парня.

– Так это и не парень был, а взрослый дядька...

– И со взрослым тоже противно, я думала только с сопляком. А что за дядька?

– Да так... один... Это в Турции было, мы там с Нуцико отдыхали в прошлом году. Он был француз, красивенький такой. Думал, я совершеннолетняя... А узнал, сколько мне лет, испугался жутко.

– А ты кому-нибудь сказала?

– Зачем мне этот гимор? Подумаешь, большое дело – пленочки в организме не досчиталась.

– Пленочки? Ну ты даешь!

– Именно! Я вообще про это забыла... Но я иногда думала, почему же все в таком восторге, самое главное в жизни – секс, а может, я какой-то урод или фригидная...

– Фригидная это что?

– Это женщина, которая не получает удовольствия от секса.

– Слушай, а может, это у нас семейное, а? Мы же с тобой одной крови?

Тошка задумалась.

– Черт его знает... Вот Нуцико...

– Она тоже фригидная?

– Откуда я знаю? Я с ней о таких вещах не говорю. Но она никогда не была замужем, говорит, что у нее случилась какая-то неземная любовь... Ой, Тася, какое счастье, что ты появилась, с тобой оказывается можно обо всем на свете говорить! А ты кому-нибудь говорила, ну, что ты...

– Да ты что!

– А тот парень, он не скажет? Мальчишки любят хвастаться...

– Нет. Он вообще уехал, у него папашка военный был, его перевели на Дальний Восток.

– Тогда ничего страшного, хотя вообще какая на фиг разница, ты ж теперь в Москве будешь жить. Слушай, а твоя мама любит этого... водителя?

– Вряд ли.

– Почему ты так думаешь? Потому что он тебе не нравится?

– Возможно, – засмеялась Тася. – Просто, наверное, ей трудно было без мужика, он у нас в доме все починил, помогает ей, вот на работу хорошую устроил... Но у него жена и двое детей, так что... А твоя мама, у нее вроде есть муж, а где он?

– Увидишь. Он вообще-то клёвый, но у них все было наоборот. Его мама на хорошую работу устроила, он на несколько лет в Канаду уезжал, там у него ни фиги не получилось, он вернулся, а тут тоже ни фиги, ну он и устроился в металлоремонт, а мама зашла в мастерскую ключи заказать и увидела его, они в детстве дружили, ну и завертелся роман. Но жить к себе она его не пустила, сказала, что так будет лучше. Она не хотела, чтобы в доме был мой отчим.

– Понятно, а твой родной отец где?

– В Америку слинял.

– Появляется?

– Не-а.

– Ты его помнишь?

– Не-а.

– Твоя мама сильная, да?

– Да. Коня на скаку и все такое. Я уже не помню, конечно, меня тогда еще не было, но до перестройки дед совсем в загоне был, у него депрессуха началась, так мама, совсем еще девчонка тогда, вытащила его...

– А почему он в загоне был?

– Потому что такая музыка советскую власть не устраивала, он даже эмигрировать хотел, но тогда как раз бабушка заболела, потом умерла... Слушай, Тась, а почему все же дед с твоим отцом поссорились?

– Я ж говорю, что про деда вообще только недавно узнала.

– Ладно, я попробую у мамы выяснить.

– Вот-вот, попробуй!

Зазвонил мобильный.

– Тоша, я внизу.

– Уже бежим! Пошли, Таська, мамин муж ждет!

– Марго, а когда девчонки приедут?

– Думаю, через часок. Не терпится сообщить дочке о квартире?

– Ну конечно. Скажи, Марго, а вот Лев Александрович...

– Аля, не советую.

– Что?

– Думать о Льве Александровиче. Лева совсем тебе не подходит.

Аля вспыхнула.

– Ты о чем?

– Аля, ты меня неверно поняла. Лева, он, конечно, очаровательный человек, но Римма... С ней связываться не стоит.

– Да о чем ты говоришь, я просто хотела спросить, не обиделся ли он, что эта квартира мне досталась?

– Почему он должен обижаться? Ему достался дом в Финляндии, там такая красота кругом... Алечка, все заметили, что вы друг другу понравились.

– Кто все? – побледнела Аля.

– Я, и Нуцико, и Эличка, и Римма, можешь не сомневаться!

– А что она собой представляет?

– Тебе с ней не справиться, Алюша, поверь...

– Странно, Марго, я опять, можно сказать, обратила внимание на твоего брата...

– Алюша, но ведь с Сережей ты победила.

– И чем это кончилось? – горько усмехнулась Аля. – Наша жизнь была адом. Так что Римма может не беспокоиться, я ни в какую борьбу вступать не собираюсь, с меня хватит. А Лев Александрович и вправду очень обаятельный...

Лев Александрович был поражен тем, что Римма почти совсем не комментировала вчерашний обед и завещание отца. Неужто сочла его справедливым? Не похоже на нее. Или... Или она заметила, как мне понравилась эта Аля и решила затаиться, тем более, что завещание не оспоришь... Надо быть начеку. А эта Аля прелестна, эдакая провинциальная интеллигенточка, нежная, наивная... Но что-то в ней есть, какая-то скрытая изюминка. Недаром, видно, Серега тогда с ума спятил из-за нее. Ее бы, конечно, привести в божеский вид, одеть, постричь и что там еще надо, и будет просто чудо... Марго, конечно, все это сделает и тогда держись, Левка. Но, главное, чтобы Римма не успела мне ее обгадить, она это умеет, а посему надо ничем себя не выдать.

– Знаешь, а давай-ка мы с тобой на той недельке махнем в Финляндию, поглядим, что там папа нам оставил. Понравится, будем там бывать, нет, продадим за хорошие деньги. Марго, помнится, говорила, что там дивная природа.

– Обязательно! Надо же понять, обидел тебя твой знаменитый папочка или, наоборот, благодетельствовал. А он правильно сделал, что завещал квартирунку этой провинциалочке, все ж таки там родная внучка...

О, не расслабляйся, Лева, сказал он сам себе. Это неспроста.

– Жалко ее, какая-то она недокормленная, что ли, или недотраханная, убогая, одним словом. Ресницы бесцветные, другая бы красила, а эта... Небось и на приличную тушь заработать не в состоянии. А одета... это вообще тихий ужас... Надо будет посмотреть, может, найду ей что-нибудь из вещей, как ты считаешь, она не обидится? Я же по-родственному.

– Боюсь, может обидеться, – едва сдерживая бешенство, проговорил Лев Александрович, – а впрочем, попытайся, если по-родственному... Но лучше передай через Марго, она это делает тактичнее.

Неужели я ошиблась? – подумала Римма Павловна. Если бы он на нее запал, он сейчас взвился бы от злости... Скорее всего, ошиблась, эта вечная настороженность тоже до добра не доведет... Да и старовата она для него, а значит не опасна. И все-таки расслабляться нельзя, не тот человек Лева. Его может просто заинтересовать, что в ней когда-то нашел его братец.

Обычно в выходные дни Марго отключала тот мобильник, по которому ее могли вызвать по рабочим делам, но едва к воротам подъехал «Фольксваген» Даниила Аркадьевича, она его включила, прекрасно понимая, что поговорить, объясниться им просто не дадут. Она безумно боялась этого объяснения. И действительно, телефон тут же засвистел, и она вышла навстречу дочери и мужу, держа возле уха мобильник.

– Мам! Привет! – повисла у нее на шее Тошка.

Даниил Аркадьевич в это время вынимал из машины какие-то пакеты и огромный букет пионов.

– Тетя Марго, вы знаете...

– Знаю, Тасенька, Матильда мне звонила, я страшно за тебя рада, но маме ничего пока не говорила, ты сама должна ее обрадовать.

– Мам, тут такое дело...

– Здравствуй, солнышко, я так соскучился, смотри, твои любимые пионы... Ну вот, опять телефон, выключи его наконец, – взмолился Даниил Аркадьевич.

– Привет, у меня важные звонки, выключить не могу. Отнеси все на террасу, я сейчас...

Не хочет объясняться, ну и прекрасно, и замечательно, обрадовался Даниил Аркадьевич, великолепно поняв маневр жены, и с удовольствием направился к дому. Марго сразу выключила мобильник.

– Что там у вас, девочки?

– Мам, Тася говорит, что ее мама не хочет иметь талантливую дочку.

– Что за чушь?

Перебивая друг дружку, девочки объяснили, в чем дело.

– Какие вы еще дурочки, – улыбнулась Марго. – Это же говорилось теоретически, а теперь Аля только обрадуется. Кстати, у мамы для тебя тоже есть хорошая новость.

– А где мама?

– За домом, в гамаке. Беги к ней. Да, а как «Пиковая дама»?

– Да Лиза какая-то малахольная была, – ответила Тошка, а Тася уже бежала к матери. – Мам, ты знаешь, она такая классная... Мы с ней так подружились...

– Значит, ты хочешь, чтобы летом она жила у нас?

– Аск! А тетя Аля согласится?

– Уже согласилась.

– Ты у меня самая суперская мать на свете!

– Вы что-нибудь ели?

– Ели! А потом еще Даниил Аркадьич возил нас в кафе.

– Вот даже как!

– Мам, ну он же клевый!

– Ты находишь?

– Ты его разлюбила, да?

– Тошка...

– Знаю, не мое дело.

– Ты у меня самая суперская дочь на свете.

– Значит, у нас нет проблем отцов и детей?

– Ты меня уморишь, ладно, пошли в дом, тетки уже истосковались по тебе.

– А как вчера прошло?

– Нормально, я даже не ожидала.

– И Риммочка не возникала?

– Нет, представь себе.

– Ох, не к добру это, ох не к добру! – дурашливым старушечьим голосом проговорила Тошка.

Как я ее люблю, с некоторым даже удивлением сказала себе Марго.

– Мама, ты знаешь кто такая Матильда Пундик?

– Как? Матильда Пундик? Что-то я слышала, папа твой рассказывал... Кажется, какая-то полоумная певица, влюбленная в твоего деда. А что?

– Она вчера водила нас в театр...

– И что?

– Мам, ты знаешь, что она сказала?

– Откуда же мне знать? – слегка рассеянно улыбнулась Аля. – Так что она сказала?

Ей не до меня, подумала Тася. Неужто так из-за квартиры прется? Девочке расхотелось говорить...

Аля вдруг почувствовала, что дочь обиделась.

– Тася, сейчас же говори, что такое важное сказала эта самая Матильда?

У Таськи сверкнули глаза.

– Она сказала, что у меня голос! Настоящее оперное сопрано! И слух! И внешность! И она будет меня учить! Вот!

Аля растерялась, но не подала виду и схватила дочь в объятия, нельзя разочаровывать девочку.

– Тася, неужели это правда?

– Самая-самая настоящая правда! И она хочет, чтобы ты обязательно с ней встретишься, поговорила... Она считает, что мне еще полгодика надо помолчать, освоить азы, и тогда...

– Помолчать? У тебя еще будет ломаться голос?

– Нет, у девчонок не как у мальчишек, но с возрастом может меняться тембр и вообще до шестнадцати лучше голос не трогать, и потом я даже нот не знаю, а без нот куда же.

– Да, это моя вина, я в музыке ничего не смыслю, слуха совсем нет, думала и ты в меня, а вот, оказывается, что... Значит, ты будешь примадонной? Будешь петь в Ла Скала?

– Если не буду лениться, так Матильда сказала! Знаешь, она кормила нас обедом и в бульон бросала зеленые оливки... Еще говорила, что их ел Парис... У нее на столе пыльный ковер...

– погоди, – вдруг сверкнула глазами Аля, – а у нее Нефертити на окне не стоит?

– Нефертити?

– Ну да, такая египетская головка, ну, помнишь, у тети Лены такая на пианино стояла?

– А... Я не заметила, а что?

Аля фыркнула.

– Мне твой папа рассказывал... Наверное, про нее. У нее был когда-то муж, Сережа тогда еще совсем пацанчиком был и отец послал его к этой Матильде за какой-то книгой, что ли, сама Матильда была больна, лежала в постели, а на окне стояла Нефертити. Матильда усадила Сережу, стала его о чем-то спрашивать и вдруг кричит:

– Женя, открой окно, я задыхаюсь!

Пришел Женя, тихий пожилой профессор, открыл окно, естественно, убрав при этом Нефертити.

– Женя, поставь Нефертити, она так прекрасна на фоне открытого окна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.